

Юрий Николаевич Арабов

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Сценарий

• ПРОСПЕКТ •

ebooks@prospekt.org

Интерьер. Зал консерватории

На сцене Малого зала московской консерватории стояла невысокая женщина средних лет в строгом черном платье и в сопровождении хора пела «Всенощное бдение» Сергея Рахманинова: «Благослови, душе моя, Господа.

Благословен еси, Господи!

Господи Боже мой,

Возвеличися еси зело...»

Обычно, когда она пела, то выискивала в зале лицо, к которому обращалась. Это было опасно, так как лицо могло подвести, разочаровать, сбить лирический настрой, зевнув и состроив рожу. Консерваторский учитель по вокалу никогда не советовал обращаться со сцены к кому-нибудь персонально, а выискивать в зале невидимую другим точку, неперсонифицированную, безликую и постную, как серый московский день, и к ней, этой точке, обращать вокальный порыв, горячие слова молитвы. Но она не могла к этому привыкнуть, потому что пела для людей, а не для безликой точки. Поэтому сегодня выбрала малыша лет пяти-семи, который сидел на коленях приведшей его в консерваторию матери и тарасился сонными глазенками на

освещенную сцену.

*«Вся премудростию сотворил
еси.*

Слава Ти, Господи,

Сотворившему вся...»

У нее был красивый низкий голос, редкий для негрузного, даже изящного тела.

*«Вся премудростию сотворил
еси...»*

Малыш зевнул и на последних словах уткнулся в материнскую подмышку.

Интерьер. Салон легковой машины

*«Аллилуйя, аллилуйя,
аллилуйя...»*

По лобовому стеклу хлестал мелкий осенний дождь. Механические дворники едва успевали соскребать набегавшую влагу. Из портативной магнитолы несло «Всенощное бдение», и солировала она, та самая женщина, которая вцепилась теперь в руль и всматривалась в пустое шоссе перед собой, выискивая многочисленные колдобины и стараясь их обойти и объехать.

Рядом с ней на переднем сидении развалился юноша лет двадцати и откровенно скучал то ли от «Всенощной», то ли от унылого провинциального пейзажа за окном машины.

– Ты зачем снизила скорость?..

– Там знак висит.

Слева от бетонной насыпи, по которой они медленно двигались, возникла стальная бурная вода, строившая секундные пирамиды и старавшаяся дотянуться своими белыми барашками до бортов машины. Водохранилище было широким, около километра длиной с облетающим лесом на горизонте и церковной колокольней, подобной миражу или неуверенному акварельному мазку, что вот-вот

высохнет и пропадет совсем.

– Уже скоро, – сказала мать. – Километров двадцать или тридцать, не больше.

– А там еще пятьдесят. И еще двадцать, – поправил ее сын. – Я не выдержу, я с ума сойду.

– У тебя, похоже, боязнь открытого пространства, как у Петра Великого. Но потерпи. В Германии таких просторов не будет.

– Нет, не так, – не согласился он. – Просто я принадлежу к *пяти процентам людей*, которые не могут гнать тачки. И мне скучно сидеть без дела, вот и все.

Он посмотрел подозрительно на магнитола, которая выводила свою «аллилуйю», щелкнул вдруг кнопкой и вытащил оттуда компакт-диск с записью голоса своей матери. Положил его в пластмассовую коробку и засунул в магнитола другой, – с записью ансамбля Оскара Петерсона. Салон наполнился звуком бравурного фортепьяно. Вода за окном кончилась, шоссе стало широким, и сделалось значительно веселее.

Пошли леса, березовые околки, поляны с высокой выгоревшей за лето травой, и опять черная ель, делающая ночь среди ясного дня.

Справа сын увидал обшарпанную бетонную стелу, на которой было написано «Юрьев-Польский район».

Натура. Окрестности города и площадь

Бензоколонка. Улица Свободы с деревянными деревенскими домами. Поворот направо. Новенькое бетонное здание Сбербанка, резко контрастирующее своим великолепием с остальными городскими постройками, Прохожих почти нет, город как будто вымер. Еще один поворот и выезд на центральную площадь. Справа – подновленные торговые ряды, когда-то – купеческие лабазы, теперь – демократические с маленькими магазинами, уютящимися под каменными арками. Слева – местный кремль с высоким земляным валом и белыми крепостными стенами.

– Кажется, сюда, – сказала мать и повернула машину прямо к кремлю.

Подъехала к железным воротам и заглушила мотор.

Сын вылез первым. Окинул ленивым взглядом экскурсионный автобус, одиноко стоящий у ворот. Глаза его уперлись в деревянный щит с надписью «План государственного музея-заповедника», а под ней красовались аккуратно нарисованные прямоугольники, обозначающие церкви и исторические здания.

Сын обернулся. Напротив кремля расположилось двухэтажное отделение местного

РОВД со стендом «Их разыскивает милиция», с которого смотрели ксерокопии фотографий государственных преступников, – их было всего двое, этих государственных преступников, что указывало на то, что дела в городе идут совсем неплохо.

– Пойдем в кремль?.. – спросил сын.

– Нет. Сначала посмотрим на дом деда. Вернее, на то, что от него осталось.

Она нажала на брелок сигнализации, в машине что-то пискнуло, и круглый малолитражный «Пежо» сделался, как ей внушили в автосалоне, неприступной крепостью.

– Сюда, сюда... – она взяла сына за руку и потянула вглубь, мимо кремля, мимо отделения милиции с государственными преступниками, туда, где прерывалась асфальтовая мостовая и начиналась провинциальная глина, ведущая к берегу реки.

Они миновали разрушенную церковь начала двадцатого века, похожую на завод из красного кирпича, за которой стоял белокаменный храм с одинокой луковицей, но уже века двенадцатого. Вокруг расположились одноэтажные бараки. Куры клевали зерно у церковных ворот.

Натура. Берег реки

– Вот он ... дом деда, – она показала рукой на противоположный берег.

Сейчас там стояла двухэтажная бетонная коробка с электрической вывеской «Рюмочная». Вокруг надписи и самого здания бойко сновал оживленный народ. Шоферюги, прокопченные, могучие, словно циклопы, вылезали из необхватных фур и скрывались в сером подъезде. Кажется, это было одно из немногих мест в городе, где кипела какая-то жизнь.

– Дед жил в рюмочной?

– Рюмочную выстроили на месте нашего дома уже в семидесятые годы.

– Рюмки пахнут капустой, – сказал сын, принюхиваясь.

– Жареной. На комбижире, – согласилась мать. – Может быть, это единственное место в России, где пахнет теперь жареной капустой.

– Ехать двести километров, чтобы понюхать капусту?

– Это не двести километров. Мы приехали на двадцать лет назад.

Сын не нашелся, чем возразить. Ему была неприятна выпретенная оживленность матери, он чувствовал в ней какую-то фальшивость.

Они стояли на деревянных мостках, положенных у неширокой реки. Водоросли и

мелкие рыбы застыли неподвижно на мелководье. Правда, дно обезобразивали папиросные коробки и обертки от «чипсов». По-видимому, часть горожан использовали реку как мусорную яму.

– Как называется это река? – спросил сын.

– Это река называется... – мать нахмурила лоб. – Называется... а ведь забыла!... – воскликнула она с досадой. – Какое-то нелепое название... может быть, угро-финское! Какое?!.

Она беспомощно начала озираться по сторонам, будто искала это название. На берегу сидел одинокий рыбак. От кремля по направлению к берегу шла стайка зеленых, как трава, девиц, по виду, учащихся колледжа с пивными банками в руках.

– Девочки, милые, – кинулась к ним мать. – Как называется эта река?..

Они поначалу отшатнулись, нахмурились, стараясь понять, чего от них хочет эта столичная дамочка в дорогом бархатном платье. Потом, посмотрев на сына, отчего-то громко засмеялись.

– ...как называется эта река?

Девицы прохладной водой обогнули их, растеклись по берегу и взошли, по-прежнему хохоча, на мост.

Тогда ее взгляд уперся в рыбака, сидевшего на берегу.

– ...прошу меня извинить. Как называется эта река?

Рыбак выплюнул папиросу в реку. Смотал удочку и, озираясь, быстро пошел по направлению к кремлю.

– Он чего-то боится...

– Он просто видел тебя по телеку, – предположил сын. – Вместе с Колей Басковым.

– Ну Баскова бы и боялся. А меня-то за что?

– Басков идет по воде, – сказал сын, как в бреду. – Протягивает к «Рюмочной» руки и поет арию из Верди.

– Коля не пойдет по воде бесплатно. И мне наплевать на Верди. Я хочу вспомнить название реки!

– Ты никогда не вспомнишь. Потому что это река без названия.

– А разве такое может быть?..

– Конечно. Даже у твоего любимого Чехова есть рассказ «Без названия». Он так и называется.

– Ладно, – смирилась она. – Тогда пошли в кремль.

– Пошли... – вяло согласился сын, посмотрел себе под ноги и вдруг побледнел. – Нет, я никуда не пойду!..

– Что такое?

Он ничего не сказал в ответ. Мать поймала его взгляд... И вдруг поняла причину замешательства. На его ногах были надеты разные ботинки!... По-видимому, в темноте, в коридоре он просто перепутал их спросонья, когда надевал. Хуже всего, что ботинки оказались

разного цвета, – один коричневый, другой – иссиня-черный.

Она рассмеялась.

– ... Как это теперь говорят? Сносит башню?

– Я не выспался и был, как в тумане.

– Меньше надо пить, Андрюша. Или больше.

Знаешь, как сказал однажды Стасов передвижникам, когда ему не понравилась их выставка?.. «Мало пьете, господа!..»

– Стасов... – помял сын губами. – Кто это? Я его не знаю.

– Никто его теперь не знает. Да ладно, Андрюша. Пошли в кремль. Никто не заметит твоих ботинок.

– Нет, сказал тебе, что никуда не пойду! Или сейчас же едем в Москву, или... иди одна.

– Я затеяла эту поездку ради тебя.

– Мне она не нужна. Я же говорил!..

– Тогда идем в магазин, – вздохнула мать. –

Прикупим тебе что-нибудь.

Пошла вперед. Оглянулась.

– Идешь ты или нет?

Сын, вздохнув, поплелся следом.

Интерьер. Обувной магазин

В магазине было пусто. У одной стены стояли кроссовки китайского производства, у другой красовались резиновые сапоги.

Сын брезгливо нагнулся над кроссовками, принюхиваясь и даже не беря их в руки.

– Я это не надену.

– А здесь есть какой-нибудь другой магазин?

Продавщица оторвалась от кроссворда и взглянула туманными глазами на мать.

– ... какой-нибудь другой обувной магазин?..

– повторила та безнадежным голосом.

– Там, – махнула продавщица рукой.

– Через сколько метров?

– Через четыре дня. По воскресеньям. На рынок обувь привозит Надир.

– Кто? – не поняла мать.

– Надир!.. – капризно повторила продавщица.

– Вы что, не знаете Надира?

– Но он нас тоже не знает, – парировала мать.

– Мы не здешние.

– Оно и видно.

– Отлично, – сказал сын. – Всего лишь четыре дня. Впрочем, через четыре дня я должен быть в Берлине.

Он подошел к стенду с резиновыми сапогами и внезапно оживился. Взял в руки один и увидел на резине выдавленный кружочек с надписью «1

сорт». Натянул на правую ногу, и сапог пришелся как раз впору.

– Беру! – воскликнул он с воодушевлением. – Вот это клево!...

– Ты с ума сошел, – отрубил мать. – Зачем тебе эти колхозные чудовища?

– Я не носил сапоги с третьего класса.

– А я не носила банты с седьмого. И что из этого следует?

– Из этого следует, что в России я должен выглядеть, как русский.

– Именно. А это значит, что ты должен носить китайские кроссовки.

– Не хочу. А ватник у вас есть?

– Послушайте, девушка, – взмолилась мать, – убедите его, что в провинции теперь не носят резину.

Продавщица взглянула на них с отвращением.

– Я сейчас милицию вызову, – пообещала она. – Хулиганят здесь...

– Пойдем отсюда, – предложила мать. – Нас всех сейчас арестуют, и этим все кончится.

– Ватник, – повторил сын умоляюще. – Черный такой... я в кино видел. Есть у вас?..

– Правдивый, как хлеб, солженицынский ватник?.. – добавила мать.

Натура. Улица города

...Он шел впереди матери в блестящих резиновых сапогах, доходивших почти до колена. Новенький ватник был накинут на плечи. Но мать догнала его, содрала ватник с плеч. Он кинулся к ней, стараясь отобрать...

– Я сказала «нет». Только через мой труп!.. – она спрятала ватник за спину и отступила на шаг.

– Мы ведь прощаемся с родиной, разве не так?

– Но это не значит, что из прощания нужно делать бразильский маскарад.

Они подошли к железным воротам кремля, в которых была открыта узкая калитка. Экскурсионный автобус уже уехал и, кажется, они были здесь совсем одни.

– «Михайловский храм», «Колокольня», «Надвратная церковь Иоанна Богослова»... – пробормотал сын, разбираясь в нарисованном плане. – Куда пойдём?

– Пойдем повсюду, – и мать первая вошла через открытую калитку.

Натура. Двор внутри кремля

Дорожки, вымощенные камнем. Высокая колокольня перед центральным собором. За ней – деревянная черная церковь. Справа – высокие каменные палаты.

– Нам два билета, – сказала мать в окошечко кассы.

– Куда именно? – спросила ее кассирша, пухлая шестидесятилетняя женщина с седыми, чуть подкрашенными медью волосами, аккуратно зачесанными на затылок.

– На ваше усмотрение.

– Вы приезжие?

– Я родилась здесь. Но не была лет сорок.

– Тогда можно и без билета, – сказала кассирша. – Купите эту майку, а билеты можете не брать, – она показала красную майку с нарисованным медведем, который держал в руке окровавленный топор.

– А сколько она стоит?

– Пятьсот рублей. А билеты можете не брать.

– Ты будешь носить эту майку? – с сомнением спросила мать у Андрюши.

– Очень страшен, – ответил сын. – На Бетховена похож.

– Нам бы билетик, – попросила она. – А майку мы купим в другой раз.

– Но ведь в другой раз ее может и не быть, –

сказала кассирша. – А билеты есть всегда.

– А мы еще придем, – пообещала мама. – Мы будем стеречь эту майку, как охотник зайца.

– Их уже больше не производят, – с разочарованием произнесла кассирша, – медведей с топором. Если и будет, то Микки Маус с улыбкой.

– Селекша!... – вдруг пробормотала мать. – Селекша или Колокша!..

– Что? – не понял сын.

– Селекша или Колокша! – она подняла указательный палец вверх. – Я вспомнила!.. Это Селекша или Колокша!..

Глаза ее светились счастьем.

– Ну ведь правда, так называется река, которая течет за кремлем? – обратилась мать к кассирше.

– Это Колокша, – подтвердил та. – А Селекши здесь никакой нет.

– Значит, маразм еще не крепчал! – выдохнула мать с удовлетворением. – Дайте нам билетик на колокольню.

– Двадцать рублей, – разочарованно произнесла кассирша. – Пойдемте, я вам открою...

Она вышла из своего помещения в валенках, с повязанным вокруг поясицы шерстяным платком. Переваливаясь, как утка, пошла по каменной дорожке к белокаменной колокольне. Звякнула ключами и отворила низкую железную

дверцу.

– Там наверху колокола. Можете разочек позвонить. А Селекши здесь никакой нет.

– Спасибо вам за заботу, – с чувством поблагодарила ее мать. – А я дойду? – спросила она с сомнением, просунув в отверстие голову и разглядев в темноте узкую винтовую лестницу.

– Все доходят, – сказала кассирша. – А Селекши здесь никакой нет, я вам точно говорю.

Они стали подниматься по лестнице вверх.

Натура. Над городом

Наверху висели три колокола, отличающиеся друг от друга по размерам, словно матрешки, – от маленького, – наперстка для великана, до большого, густого голосом и солидного на вид, как церковный дьякон. Сын не удержался и ударил в него первым. Колокол загудел. Одинокая ворона вспорхнула с крепостной стены и умчалась прочь, оглядываясь.

– Как привольно!... «О Русь моя, жена моя, до боли нам ясен долгий путь...» – выпренно произнесла мать, раскинула руки, как крылья. – Я – чайка!..

– Да. Высоковато, – сухо согласился Андрей.

Перед ними была центральная площадь с тремя машинами, припаркованными у торговых рядов, и двумя пешеходами, бредущими по своим делам. А за площадью чуть дальше начинались горбатые поля, прорезанные полосками лесов, и не было этим полям ни конца, ни края.

– Леса здесь вырубил еще до Екатерины, – пояснила мать. – Все из-за плодородных земель. Тут, говорят, почти краснодарские черноземы. И это – в Средней России, разве не чудо?

– А что делать с этими черноземами? – спросил Андрей. – Была б моя воля, я бы настроил здесь кемпингов, мотелей, как во

Франции, и жил бы на бабки от туристов.

– Так, в конце концов, и сделают, – согласилась мать. – Но исчезнет очарование запустения. Впитывай в себя это, сынуля. Растворись в воздухе Родины. Скоро его не будет.

– Воздух везде один, – сказал сын. – Но попробую... Попробую в нем раствориться.

Она не стала ему возражать, чтобы не портить настроение. Из тучи выглянуло холодное осеннее солнце, и округа как будто улыбнулась.

Мать уперлась руками в деревянные перила и запела «Всенощную» с высоты колокольни семнадцатого века:

– *«Дивна дела Твоя, Господи,
Вся премудростию сотворил
еси.*

*Слава ти, Господи,
сотворившему вся...»*

Прохожий внизу поднял голову вверх. С неба на него изливалось божественное контральто, известное не только в России, но и в Европе:

– *«Слава ти, Господи,
сотворившему вся...»*

Натура. Пятачок перед колокольней

Они спустились вниз минут через двадцать. Мать слегка запыхалась, Андрей же был мрачноват и сосредоточен, как будто тайная мысль или предчувствие терзали его.

– Куда теперь?..

Он оглянулся. На каменных палатах висела вывеска «Князь Багратион и его время. Экспозиция».

– Пойдешь смотреть *его время*?

– Я, пожалуй, здесь посижу, – сказала она, указав на скамейку. – Со своим временем. Передохну.

– Ладно. Только все его не растрать... «Бог рати он...» – Багратион... И еще *его время*... Наверное, здоровенная экспозиция: дни, часы, минуты и все – под инвентарным номером...

Бормоча себе под нос, он поднялся по высокой каменной лестнице, оглянулся...

– Увидимся в Вене... – и вошел в дверь под вывеской.

– Но ты ведь не любишь оперы.

– А я посижу на ступеньках, пока ты будешь в ней петь.

Андрей вошел в музейную дверь под вывеской.

Положив рядом с собой ватник, мать присела на скамеечке.

Закрывает глаза... Она была во дворе совершенно одна. Веки и кожа лица чувствовали прикосновение солнца.

Тонкий, еле слышный звук коснулся ушей. Как будто скрипка сыграла вдалеке несколько тактов. Или кто-то невидимый спел музыкальную фразу.

Сладкая дремота навалилась на нее.

Натура. Пятачок перед колокольней и площадь перед воротами. (Продолжение.)

Мать встрепенулась как будто от какого-то толчка. Вздогнула, открыла глаза и увидала, что перед ней стоят три женщины, – две молодых, и одна та самая, из кассы в платке поверх поясицы.

– Извините, нам закрывать надо, – сказала молодая. – Пол третьего уже...

– Что «закрывать»? – не поняла мать.

– Музейный комплекс. Мы сегодня до половины третьего работаем.

– А Андрюша?.. – спросила она машинально, отметив про себя, что волосы двух женщин выкрашены в один красноватый цвет.

– Какой Андрюша?

– Сын... Наверное, он уже у машины...

– Наверное, у машины... – согласилась молодая.

Встав со скамейки и прихватив с собой ватник, мать поспешила к выходу.

Перешагнув через железный порожек ворот, она увидала свой «Пежо», но сына рядом с ним не было. Мать даже нарочно заглянула в салон, – а вдруг Андрюша там притаился, заснул, как и она, но только на упругих велюровых сидениях, полулежа, так, что и не увидишь снаружи... Но нет. Машина оказалась пустой.

– Так он у вас в кремле остался!

Женщины переглянулись.

– Вот так номер. А мы уже все заперли...

– Он пошел в палаты к Багратиону... «Багратион и его время»!.. – закричала мать. – Был он там или нет?

– Как будто был, – произнесла одна из девушек, которая хромала на одну ногу. – Вы кого имеете в виду?

– Я про посетителя говорю!..

– Был один, – задумчиво произнесла она. – Один за весь день.

– В сапогах. Посконных, резиновых!.. – постаралась мать навести ее на правильный ответ.

– Ну да. В тюбетейке и сапогах.

Мать почувствовала, как нервная волна подкатывает к горлу от солнечного сплетения.

– Не было на нем никакой тюбетейки.

– Я могла и обознаться, – согласилась девушка. – Так надо же его отпереть! А то что он сидит там голодный?..

Все вместе они возвратились во двор и пошли к каменным палатам.

– А вы там в Москве... – сказала меж тем кассирша, переваливаясь на своих толстых ношах. – Сколько получаете?

– Не знаю, – раздраженно ответила мать. – Я редко бываю в Москве.

– А мы здесь получаем без малого три. И пенсия у меня еще полторы. Можно на эти

деньги жить?

– Но вы же живете, – нервно отрезала гостя, потому что мысли были заняты другим.

– Ну да живем. И даже еще остается, – неожиданно подтвердила кассирша. – У меня за прошлый месяц осталось двадцать рублей. А много ли мне надо? Капуста – с грядок, а картофель – под ногами...

– Значит, все правильно. Можно еще и сократить.

– Можно, – согласилась женщина. – У меня в прошлом месяце брата сократили.

– Без работы, что ли, остался?

– Да он и не работал никогда. Только он им не дался. И сам кое-кого сократил.

– Замолчите, или я сейчас с ума сойду! пообещала мать.

– Есть у нас одно место... – все так же рассудительно продолжала кассирша. – «Рюмочная» называется. Как ее увидите, так идите в другую сторону. Сказать, где находится?

– Не надо, – ответила мать. – Я сама знаю. И туда все равно не пойду.

– А я бы вам сказала. Чтобы вы случайно на нее не набрали. Значит, так... Как выйдете за кремль, так спускайтесь к берегу реки. Переходите по мосту, а там уже и до «Рюмочной» недалеко... Спросите кого, если не найдете...

– Да не надо мне никакой «Рюмочной»! – воскликнула мать. – Зачем про нее

рассказывать?..

Кассирша обидчиво поджала губы.

Хромая девушка, между тем, звенела
ключами, отпирая двери палаты.

Интерьер. Каменные палаты

– Есть, – сказала мать. – Это его следы!..

Она указала на рифленый след от резиновых сапог.

– Андрюша! – закричала она. – Мы здесь!..

Ответа не последовало. Матери показалось, что следы ведут к карете 19 века. Подбежав к ней, она заметила два манекена, мужской и женский, которые сидели внутри и улыбались тупой безжизненной улыбкой.

Ей стало страшно. Трясущимися руками полезла в сумочку, достала мобильный телефон и лихорадочно набрала номер сына.

– Отключен... – выдохнула она, услышав в трубке механический голос диктора, говорящий что-то на английском.

– Здесь никого нет, – сказала хромая девушка.

– Вы не волнуйтесь, – постаралась успокоить кассирша. – Опять же про брата... Мы как-то в детстве потеряли его. Весь город обыскали. А потом заглянули в столовую... А он сидит там и лопают котлету.

– Андрюша не любит котлеты.

– Значит, нужно искать место, где нет котлет, – сделала логический вывод хромая.

– Тогда он, должно быть, в монашеской келье!
– сказала кассирша. – Что у нас сегодня работало? Колокольня, – она загнула

указательный палец. – Но вы спустились вниз, и я за вами закрыла... «Багратион и его время»... Но здесь, кроме манекенов, никого. Михайловский храм сегодня на профилактике. Следовательно, только монашеская келья...

– Но почему он меня не предупредил? Не хотел, что ли, будить? – негодовала мать. – Где она, ваша келья?

Женщины молчали, недоумевая и сочувствуя ее горю.

Интерьер. Монашеская келья

Лязгнули ключи. Полоска дневного серого света ворвалась в узкий каменный мешок, все пространство которого занимал монашеский клубок, надетый на деревянное перекрестье, да незастеленная кровать, вернее, ложе из грубых досок. Рядом на низком столике пылилось Священное Писание в кожаном переплете с застежками. Маленькое окошко выходило во двор и было темным.

Мать положила таблетку валидола под язык и выбежала вон. Женщины услышали стук ее каблуков по каменной лестнице.

Натура. Двор внутри кремля

Деревянная церковь, наподобие тех, которые стоят в Кижках. Монастырская клумба с присохшей по осени лечебной травой. Закрытые двери Михайловского храма. Молчащая колокольня. Тишина кругом. Слышен звук от крыльев пролетевшей мимо птицы.

Мать металась по небольшой территории кремля, оступаясь и тяжело дыша. Работницы музейного комплекса терпеливо ждали ее, пока она обежит крепостную стену и заглянет в деревянный колодец, в котором давно не было воды.

Постепенно раж возбуждения оставил ее. Она приблизилась к женщинам уже не спеша, растрепанная, побледневшая.

– Нам бы музей закрыть, – сказала ей хромая.
– Три часа уже.

– Да что я мучаюсь? – спросила саму себя мать. – Он, верно, перекусить пошел. Может такое быть?

– Может, – как эхо, откликнулась кассирша.

– А где в городе можно перекусить?

– «Рюмочная» – упавшим голосом произнесла кассирша. – Есть еще дорогой ресторан в городе, но он далековато отсюда...

Мать посмотрела на нее мутным взглядом. Первая вышла за железные ворота кремля.

Хромая ключница лязгнула ключом и заперла их на три оборота.

Натура. Склон реки

Темнело. Оканчивался бледный день, а сумерки еще не наступили. Показавшееся было солнце снова ушло за пелену. Мать быстро шла по берегу Колокши. Взобралась на бетонный мост. Посторонилась от проехавшей пятитонки. Перевалила на другой берег, который был заасфальтирован и уставлен транзитными фурами. «Рюмочная» уже зажглась электричеством, и ее надпись мигала, как новогодняя елка.

Миновав какого-то заросшего бородатого мужика, который сидел на каменных ступеньках и, судя по всему, спал, положив голову на колени, мать вошла в стеклянные двери.